

Л. С. Ледак
«НОВАЯ ЛОГИКА» Н. А. ВАСИЛЬЕВА В СРАВНЕНИИ С ИДЕЯМИ
АРИСТОТЕЛЯ И ХРИСТОФА ЗИГВАРТА

Данная статья посвящена исследованию воображаемой логики Н.А. Васильева в историко-логическом контексте. Логические взгляды Васильева сопоставляются с идеями Аристотеля и Хр. Зигварта. Результаты такого сравнения позволяют считать логику Аристотеля основой логики воображаемой, неаристотелевой; также обнаруживается влияние учения Зигварта на идеи русского логика. Вместе с тем, данное исследование не преследует цель опровергнуть оригинальность воображаемой логики, попытки рассмотреть ее в связи с иными логическими учениями призваны прояснить некоторые моменты в рассуждениях Васильева.

The article is dedicated to N. Vasilyev's imaginary logic in the historical-logical context. Vasilyev's views on logic are compared to the ideas of Aristotle and Christoph Sigwart. The results of such comparison allow considering Aristotle's logic as an imaginary, non-Aristotelian one. The article reveals the influence of Sigwart's teaching on the ideas of the Russian logician. At the same time, the author does not aspire to question the originality of imaginary logic; the attempt to analyse in the connection of other logical teachings is aimed at casting light on some elements of Vasilyev's ideas.

Ключевые слова: *воображаемая («неаристотелева») логика, закон противоречия, неопределенные суждения, закон достаточного основания, высказывания о будущих случайных событиях, суждения о фактах, суждения о понятиях.*

Keywords: *imaginary (non-Aristotelian) logic, law of contradiction, indefinite proposition, law of sufficient reason, statements on future accidental events, factual proposition, logical proposition.*

Воображаемая логика и история логики

В истории логических исследований России особенный интерес представляют идеи казанского логика Николая Александровича Васильева (1880 - 1940). Н. А. Васильев известен прежде всего как создатель оригинального логического учения - воображаемой логики, свободной от закона противоречия.

Васильев чувствовал ограниченность традиционной логики. Он попытался реформировать старую логику не путем ее усовершенствования, но путем коренной переработки. «Это будет «новая логика», а не новое сочинение по логике» [7, с.54], - предупреждает читателей Васильев. И действительно, в его статьях мы находим не просто критику основ традиционной логики, но и ряд новых идей, несовместимых с ее учением. Васильев внимательно изучает проблемы, не имеющие в логике однозначного решения - от адекватной формулировки частного суждения до природы логических законов. Размышляя над этими проблемами, он приходит к выводам, не совпадающим с положениями «аристотелевой» логики. Появляется новая классификация суждений и, соответственно, иные отношения между суждениями, становится возможной логика без закона противоречия и закона исключенного третьего, создается учение о чисто формальной и чисто рациональной логике - металогике. Эти идеи делают логическое учение Н. А. Васильева таким оригинальным и самобытным.

Но какими бы оригинальными ни были эти идеи, все же можно говорить о предпосылках их возникновения, о влиянии на мысль автора тех или иных концепций, учений. Из работ Васильева, а также из его отчета о научной деятельности нам известно, что он прекрасно ориентировался в истории философии и логики. Значит, с уверенностью можно сказать, что некоторые идеи его предшественников, а может, и современников стимулировали интерес мыслителя к тем или иным логическим проблемам. Надо заметить, что связь творчества Н. А. Васильева с другими логическими учениями практически не исследована. В данной статье мы попытались несколько изменить сложившуюся ситуацию.

Думается, такое исследование интересно само по себе, но, кроме того, оно должно способствовать лучшему пониманию идей Васильева, которые ввиду краткости их изложения иногда недостаточно ясны. Рассмотрение логической системы Васильева в историко-философском контексте призвано обнаружить

корни и истоки тех или иных ее положений. Это также должно обеспечить более глубокое, более полное понимание.

В рамках статьи, конечно, невозможно говорить обо всех мыслителях, повлиявших на учение Васильева. В данном случае наибольший интерес для нас будут представлять Аристотель и Христоф Зигварт. Выбор этих мыслителей обусловлен не только той важной ролью, которую сыграли их идеи для логических построений Васильева, но противоположной оценкой, которую дал этим идеям казанский логик. По его словам, все современное движение в логике есть восстание против Аристотеля. Логика, созданная греческим гением более двух тысяч лет назад, становится тесной для мыслителя начала XX века. «В логике всегда не хватало бесконечности, маленькой и замкнутой была она со своими 19 модусами силлогизма и 4 правилами индукции. Нужно расширить ее пределы, удостовериться в бесконечности возможных логических систем» [9, с.123]. Свою логическую систему – воображаемую логику – он также называет неаристотелевой.

Учение немецкого логика Зигварта Васильев, наоборот, считает актуальным и современным, и даже называет его «глубоко революционным», что можно расценить как высший комплимент. На Зигварта Васильев довольно часто ссылается в своих рассуждениях. Представляется несомненной важность идей Зигварта для русского логика. Однако мы надеемся показать, что и сочинения Аристотеля содержат идеи, сходные с оригинальными взглядами Васильева.

«Неаристотелева» логика

Прежде всего, заметим, что свою логику, хоть и названную неаристотелевой, Васильев строит на базе традиционной логики, созданной античным мыслителем. Он вносит в логику Аристотеля важные изменения: например, подвергаются пересмотру классификация суждений и набор законов, гарантирующих логичность мышления. Но основой новой логики все равно остается логика традиционная, аристотелева.¹ Кроме того, рассуждения Аристотеля имеют связь и с новаторскими идеями Васильева. Продемонстрируем это.

¹ Возникает вполне уместный вопрос: если Васильев действительно хотел создать в логике нечто новое, то почему он не обратился к достижениям математической логики? Мы не можем предположить, что эти достижения не были знакомы Васильеву. Сам логик признается, что за недостатком времени он коснулся, бегло и поверхностно, лишь самого существенного, поэтому многие важные и интересные логические идеи

В своей первой статье Васильев пытается устранить путаницу в традиционной классификации суждений. Для этого он обращается к классификации предложений, данной Аристотелем в Первой Аналитике. Аристотель выделяет общие, частные и неопределенные предложения [1, с. 119]. Неопределенными философ называет те предложения, в которых S берется без обозначения общности и частности - « S суть P ». Такие суждения верны и в том случае, если все S суть P , и в том случае, если не все S суть P . Это позволяет отождествить неопределенное суждение Аристотеля с обычным частным суждением логиков: «Некоторые, а может быть и все S суть P ». Подлинно частным суждением является лишь суждение «Некоторые (не все) S суть P ». Васильев предлагает восстановить в логике аристотелевскую классификацию суждений, потому как современное деление суждений по количеству вообще не может считаться состоятельным [8, с. 18-19].

С другой стороны, Васильев считает ошибкой Аристотеля рассмотрение неопределенных суждений наравне с общими и частными [8, с.20]. Дело в том, что неопределенное суждение является не ассерторическим, но проблематическим. Главным недостатком суждения «Некоторые S есть P » является его двойственность: оно заключает в себе два утверждения – «Все S суть P » и «Только некоторые S суть P », которые исключают друг друга. «Неопределенное суждение «Некоторые, а может быть и все S суть P » ... выражает наше субъективное колебание между общим и частным суждением, но не представляет какой-нибудь третьей формы наряду с ними» [8, с.20]. Однако Васильев замечает, что и Аристотель знал об этом свойстве проблематического суждения.

остались за пределами его рассмотрения. Однако, недостаток времени вряд ли можно считать главной причиной. Отсутствие серьезного интереса к новейшим логическим разработкам, скорее, объясняется общими установками мыслителя. Среди них можно назвать склонность Васильева к психологизму. Логика видится ему приближенной к естественному мышлению, что более характерно для традиционной логики. Впрочем, подробное обсуждение данного вопроса могло бы стать предметом отдельного исследования. Кроме того, здесь можно говорить об особенностях развития логики в России: математическая логика воспринималась как интересное направление в логике, но все же чуждое общей традиции исследований, полезное, но по большому счету излишнее. Об этом подробнее см. [13].

Отказываясь в итоге и от современной, и от аристотелевой классификаций, логик предлагает собственную, в которой появляется новый вид суждений - акцидентальные суждения вида «S может быть P». Акцидентальное суждение содержит знание о том, что предикат P не исключается, но и не требуется природой субъекта S, что этот предикат совместим, но не обязателен для субъекта.

Здесь напрашивается аналогия с аристотелевскими высказываниями о будущих случайных событиях: в высказывании «Плащ может быть разрезан» связь между предикатом и субъектом является случайной, а не необходимой. Такое высказывание представляет собой особую форму и не сводимо ни к общеутвердительному, выражающему включение одного понятия в другое, ни к общеотрицательному, выражающему их взаимное исключение. Как показывает Аристотель в знаменитой 9 главе трактата «Об истолковании», из высказывания о будущем морском сражении не следует ни то, что морское сражение непременно произойдет, ни то, что этого необходимо не случится. Таким образом, у Аристотеля мы находим мысль, которая могла бы стать основанием для выделения акцидентальных суждений как самостоятельного вида: «Не необходимо, чтобы из всякого утверждения и отрицания, противоположащих друг другу, одно было истинным, а другое ложным, ибо с тем, что не есть, но может быть и не быть, дело обстоит не так, как с тем, что есть» [3, с.102].

Акцидентальные высказывания аналогичны индифферентным суждениям воображаемой логики «S есть и не есть P зараз». Может возникнуть вопрос, являются ли суждения противоречия действительно новой формой суждения наряду с утвердительными и отрицательными суждениями? П. В. Копнин, исследовавший логические воззрения Васильева, дает отрицательный ответ [11, с.428]. Противоречие в индифферентном суждении является содержанием предиката, а не связки, а деление суждений по качеству связано с характером связки, а не с характером предиката. С точки зрения Копнина, суждение противоречия – это такое суждение, в котором субъектом является носитель противоречия, а предикатом – само противоречие, индифферентное суждение может быть как утвердительным (S есть P, где P есть A и не A сразу), так и отрицательным. Если следовать этим рассуждениям, то выходит, что Васильев не изменяет классификацию Аристотеля, но лишь рассматривает особые предикаты,

возможные в воображаемом мире. Из тех же соображений П. В. Копнин отрицает появление новых модусов в воображаемой логике, ведь структура силлогизма не изменяется, правила для фигур сохраняются [11, с.448]. Особенность этих силлогизмов, с точки зрения Копнина, заключается в том, что предикат является противоречием. Но ни одно правило силлогизма не оговаривает характер содержания посылок вообще и предиката в частности. Поэтому исследователь настаивает на том, что специфические модусы воображаемой логики не являются новыми, не известными в аристотелевой логике, это обыкновенные модусы первой и третьей фигур, и структура заключения в них та же, что и в Первой Аналитике Аристотеля.

Таким образом, в рассуждениях П. В. Копнина сглаживаются различия между логикой Васильева и логикой Аристотеля. Напомним, что от традиционной логики логика воображаемая отличается прежде всего тем, что в ней не действует закон противоречия. Этот сформулированный Аристотелем закон является, с точки зрения Васильева, не абсолютной логической истиной, но законом действительности, реального эмпирического мира. Можно заметить, что и для античного логика его логические законы были одновременно онтологическими законами, законами самого мира. Это легко подтвердить с помощью цитаты из «Метафизики»: «Невозможно чтобы то же самое в одно и то же время принадлежало и не принадлежало тому же самому в том же самом отношении» [2, с. 125]. Очевидно, что, по мысли Аристотеля, противоречие не просто не допустимо в мышлении, но и неосуществимо в вещах нашего мира.

Интересно, что Зигварт понимает эту формулировку совершенно иначе. Немецкий логик считает, что в ней содержится мысль об отношении утвердительного «А есть В» и отрицательного «А не есть В» суждения, которые не могут быть одновременно истинными [10, с. 166-167]. Только такую формулировку Зигварт признает верной для закона противоречия, который является по его мнению верховным логическим принципом.

Для закона, запрещающего противоречие в мыслях, Васильев избирает похожую форму «Суждение не может быть зараз истинным и ложным», правда, он считает этот закон - закон несамопротиворечия - принципиально отличным от закона противоречия: эти законы «вовсе не две формулировки одного и того же

закона, а два совершенно различных закона» [7, с.64]. Впрочем, о сходствах в учениях Васильева и Зигварта теперь нужно сказать подробнее.

Моменты сходства в логике Н. А. Васильева и Зигварта

Если говорить об истоках и предыстории возникновения логических взглядов Н. А. Васильева, то о влиянии немецкого мыслителя Христофа Зигварта (1830 - 1904), профессора Тюбингенского университета, необходимо упомянуть прежде всего. Н. А. Васильев неоднократно ссылается на главный труд Зигварта - «Логикку». Первый том «Логикки» - «Учение о суждении, понятии и выводе» - вышел в свет в 1873 г. Именно в этой работе мы находим множество идей, которые легли в основу логической концепции Васильева. Наиболее интересными для русского логика оказались учение о суждении и о логических законах.

Учение о суждении

В «Логикке» Зигварта мы находим отказ от традиционной классификации суждений по количеству: «В качестве правильной исчерпывающей классификации нельзя рассматривать эти единичные, частные и общие суждения» [10, с. 121]. Классификация, предлагаемая Зигвартом, выделяет простые и множественные суждения. Среди простых суждений Зигварт различает два класса:

во-первых, описательные суждения, в которых в качестве субъекта выступает единично существующее представляемое («это есть белое»),

во-вторых, объяснительные суждения, в которых представление, служащее субъектом, заключается в общем значении слова, а об определенном единичном ничего не высказывается («снег белый») [10, с.76].

При этом Зигварт делает важное замечание. Все отдельно сущее дано нам во времени, то есть занимает во времени определенное место. Поэтому существенным для описательного суждения является то, что оно является вполне выраженным лишь тогда, когда указывает время, для которого имеет объективную значимость единство субъекта и предиката. Таким образом, описательные суждения, как и фактические, обладают временной значимостью [10, с.114]. Объективная значимость объяснительных суждений, напротив, не зависит от времени, эти суждения притязают на безусловную значимость - она не зависит от того, что здесь или там, теперь или в другой раз существует соответствующая представлению

субъекта вещь. Иными словами, значимость объяснительного суждения «измеряется не восприятием объекта в определенном мгновенном состоянии, а постоянством содержания представления, каковое содержание я хочу раз навсегда связать со словом» [10, с. 119].

Н. А. Васильев не ссылается на эту классификацию Зигварта, однако его деление суждений на суждения о фактах и суждения о понятиях имеет с ней явное сходство. Хотя, как верно замечает В. А. Смирнов, подобное деление хорошо известно в истории философии [4, с.240]. Например, можно вспомнить истины факта и истины разума Лейбница. Очевидно, что во всех рассмотренных случаях деление происходит по одному основанию: одни суждения передают нечто существующее, факт, другие - нечто значимое, правило, закон.

Зигварт, как и впоследствии Васильев, отмечает трудности, связанные с употреблением частного суждения: «Это частное суждение, как оно обычно употребляется, принадлежит к несчастнейшим и беспокойнейшим созданиям логики. Будучи совершенно неопределенным по своему точному смыслу, оно обыкновенно не совпадает с той мыслью, какую должно выражать, и скрывает её» [10, с. 192]. Хотя на вопрос об адекватной формулировке частного суждения мы не находим в «Логике» конкретного ответа, все же можно увидеть некоторое сходство в рассуждениях Зигварта и Васильева.

Во-первых, Зигварт пишет, что множественное число формулы «Некоторые А суть В» имеет смысл в том случае, если оно разумеет нечто единичное, определенное и поэтому исчислимое, то есть, если оно предполагает описательное суждение, которое говорит о действительно существующем [10, с.193]. Васильев также отмечает корректность частного суждения как суждения о группе фактических S (неопределенно - числовое суждение). Надо заметить, что неопределенно - числовое суждение является, по Васильеву, модификацией группового, а последнее вырастает из единичного.

Во-вторых, для суждения «Некоторые А суть В», в котором «некоторые А» обозначает лишь часть возможных А, но не действительные А, Зигварт предлагает формулировку «А может быть В» [10, с.196]. Это напоминает акцидентальные суждения в логике Васильева.

В-третьих, называя неопределенное суждение проблематическим, Васильев обращается к рассуждениям Зигварта о модальностях. С точки зрения немецкого мыслителя, проблематическое суждение вообще нельзя назвать суждением, «поскольку в нем отсутствует сознание объективной значимости» [10, с. 201]. Такое суждение лишь высказывает, что говорящий находится в нерешительности относительно вопроса, есть ли $A \rightarrow B$, поэтому в строгом смысле оно является не суждением, но только мыслью о суждении, незавершенной попыткой к суждению, «ибо оставлять вопрос нерешенным - это вообще не есть какой-либо вид решения» [10, с. 204]. А поскольку неопределенное суждение «Некоторые, а может быть, все S суть P » выражает наше субъективное колебание между общим и частным суждением, для него справедлив «приговор» Зигварта - оно вообще не является суждением.

Итак, по Васильеву, частное суждение может быть:

1. суждением о факте - неопределенно - числовое суждение (Несколько фактических S суть P),

2. суждением о правиле (Некоторые (не все) S суть P), которое является общим суждением, поскольку может быть представлено или в дизъюнктивной форме (Каждое S или есть P , или не есть P), или в акцидентальной (S может быть P),

3. неопределенным суждением (Некоторые, а может быть, все S суть P), которое представляет собой психологическую форму перехода от суждения о факте к суждению о правиле.

Таким образом, в рассуждениях Зигварта мы находим важные мысли, сходные с теми, которые высказывает Васильев о частном суждении во всех его вариантах.

Достаточно подробно изложено Зигвартом учение об отрицательном суждении как вторичном по отношению к утвердительному [10, с. 145-149, §20 «Отрицание как уничтожение суждения»]. Отрицание в целом является чрезвычайно важной темой «Логики». Для Зигварта отрицание всегда направляется против попытки совершить синтез, значит, оно предполагает ожидание, что субъект и предикат должны быть соединены. Объектом отрицания всегда служит выполненное суждение или суждение, которое мы пытались выполнить,

следовательно, отрицательное суждение нельзя рассматривать как равноправный положительному суждению и одинаково с ним первоначальный вид суждения. Свою мысль Зигварт поясняет следующим образом. О каждом субъекте можно утверждать конечное число предикатов, а отрицать о нем можно бесконечное число предикатов. Но ведь никому не приходит в голову совершать все возможные отрицания, так как для этого нет никакого мотива. Для того, чтобы имело смысл сказать: «этот камень не читает, не пишет, не сочиняет стихов», - должна существовать опасность, что кто-нибудь захочет приписать камню эти предикаты. Таким образом, «предпосылкой для отрицания служит субъективно произвольное и случайное мышление, безграничная область ложного, которая именно и заключается в отклонении индивидуального мышления от объективно необходимого и общезначимого» [10, с. 146].

Очевидно, что Васильев здесь полностью согласен с немецким мыслителем. Он не воспроизводит рассуждения Зигварта, но, очевидно, следует им, когда говорит, что отрицательные суждения появляются только в логике несовершенной, в которой возможны ошибки и заблуждения. «Дух, который не образует ложных суждений, не образовал бы и отрицательных суждений, т. е. суждений о ложности» [9, с. 118]. Поэтому в металогике отсутствуют отрицательные суждения. Для Васильева, как и для Зигварта, смысл отрицательного суждения сводится к избеганию ошибки, заблуждения. То есть, суждение «S не есть P» равнозначно такой форме «Суждение S есть P ложно». В совершенной логике, металогике исключена возможность ошибок, а потому она должна быть логикой одних только утвердительных суждений без отрицательных.

Учение о логических законах

Немалый интерес также представляют параграфы «Логики», посвященные сущности закона противоречия и его корректной формулировке.

Этот закон касается отношения положительного суждения к его отрицанию и выражает сущность и значение отрицания; он гласит, что оба суждения, «А есть В» и «А не есть В» не могут быть в одно и то же время истинными [10, с.166]. Зигварт подчеркивает отличие этого принципа от так называемого *principium*

contradictionis «А не есть non-А», которое касается отношения предиката к его субъекту и запрещает, чтобы предикат был противоположен субъекту. Мы видим, что закон противоречия формулируется в «Логике» как закон абсолютного различения истины и лжи, при этом Зигварт называет его «верховным, совершенно безусловным и ко всякому нашему акту суждения применимым принципом» [10, с. 168]. Это напрямую связано с пониманием сущности отрицания в трактате. Отрицание коренится лишь в движении нашего мышления, которое пытается соединить друг с другом также и несоединимое, ложность коренится не в вещах, а лишь в человеческом мнении. Поэтому закон противоречия непосредственно касается лишь природы нашего мышления, и тот, кто считает возможным, чтобы то же самое было и не было, вообще уничтожают возможность мышления.

Думается, что такому ходу мысли следовал и Н. А. Васильев, хотя он и не был склонен отождествлять закон противоречия и закон абсолютного различения истины и лжи. Однако применительно к последнему рассуждения Зигварта о законе противоречия вполне соответствуют мыслям русского логика, тем более, что формулируя закон несамопротиворечия, Васильев прямо ссылается на Зигварта.

У Зигварта мы находим и критику закона исключенного третьего. По его мнению, этот закон не заслуживает звания общего принципа. Немецкий логик видит в нем лишь закономерное следствие из закона противоречия и закона двойного отрицания. «Поэтому естественно рассматривать закон исключенного третьего как особое дополнение к тем двум законам, которые непосредственно развивают значение отрицания. Но ошибочно ставить его как одинаково непосредственный принцип наряду с законом противоречия, от которого он зависит» [10, с. 177].

Васильев также убежден в несамостоятельности, бесполезности и бедности содержания этого закона. Однако главной причиной отказа от закона исключенного третьего стало различие Васильевым реальности и понятий. *Principium exclusi tertii* приложим только к суждениям о факте (сегодня я больна или не больна, третьей возможности нет). Но для понятий закон исключенного третьего неверен.

Что же касается отношения между законом исключенного третьего и законом противоречия, то здесь Васильев не согласен с Зигвартом. Закон противоречия запрещает нам образовывать третью форму суждения, но лишь определенную форму - противоречие, соединение утверждения и отрицания. Закон же исключенного третьего запрещает любую третью форму суждения, независимо от ее происхождения, в том числе и противоречие. Поэтому Васильев делает следующий вывод: «Закон противоречия есть частный случай и следствие из закона исключенного третьего, а не наоборот, как это думали многие» [1, с. 78].

Особенно важными для понимания логического учения Васильева представляются рассуждения Зигварта о законе достаточного основания. Дело в том, Васильев относит этот закон («Каждое суждение должно быть обосновано») к чистым законам мысли, пригодным для всех логических систем. При этом он рассматривается как общий принцип вывода. Все это вызывает некоторое недоумение.

Представляется не совсем уместным рассмотрение закона достаточного основания в качестве необходимого условия логического мышления. Ведь далеко не всякое суждение может быть обосновано. Например, аксиомы и постулаты, лежащие в основе логики, самостоятельны и не вытекают одна из другой, что подчеркивает сам Васильев. Как же их обосновать? Выходит, что и сам закон достаточного основания не соответствует требованию, сформулированному в нем. Интересно также, что Г. В. Лейбниц, в чьих трудах впервые появился этот закон, сферой его применения считал именно эмпирическую реальность - здесь ничего не бывает без основания, то есть ничто не случается без причины. Да и сам Н. А. Васильев говорит о необходимости отличать формальный закон суждения - «Каждое суждение должно быть обосновано» - от реального закона причинности - «Каждое явление должно иметь причину». Что же за причины побудили мыслителя внести закон достаточного основания в «скрижали законов мысли»? За ответом следует снова обратиться к «Логике» Зигварта.

Прежде всего, немецкий мыслитель подчеркивает, что тот, кто устанавливает в качестве логического закона «Ничто не должно быть мыслимо без основания», имеет в виду нечто совершенно иное, нежели имел в виду Лейбниц. Поскольку закон достаточного основания необходим философу для обоснования

лишь фактических истин, он есть не что иное, как реальный принцип причинности. Таким образом, необходимо от реальной причины отличать логическое основание суждения, т.е. то, на чем покоится суждение как мыслительный акт [10, с.214].

Затруднение относительно необходимой обоснованности всякого суждения, на которой настаивает Васильев, разрешает определение суждения Зигвартом. Дело в том, что в качестве существенного признака суждения он устанавливает то, что суждение хочет быть объективно значимым: всякое суждение предполагает достоверность своей значимости [10, с.213]. Оттого Зигварт и не видит существенной разницы между ассерторическим и аподиктическим суждением, «поскольку в каждом, с совершенным сознанием высказанном суждении и соутверждается необходимость высказать его» [10, с. 201]. Остается та разница, что основание, на котором покоится необходимость, бывает различным. В этом отношении Зигварт выделяет непосредственные и опосредствованные суждения [10, с.126-127]. У суждений первого вида необходимость высказывать предикат относительно субъекта (или отрицать его) покоится на принципе согласия (соответственно различия); у суждений второго вида она покоится или на авторитете, или на выводе. При этом непосредственные суждения сводятся или к индивидуальному факту, или к общепризнанному значению слова. Таким образом, мы приходим к положению, что без основания невозможно совершить акта суждения, причем под основанием понимается как раз то, что делает суждение необходимым.

Но почему Васильев называет закон достаточного основания общим принципом вывода?

Зигварт пишет, что под основанием можно понимать не только то, что принуждает выполнить суждение, но и гипотезу, которая, будучи принимаема в качестве значимой, вынуждает и дальнейшую гипотезу признавать как значимую. В последнем случае мы имеем дело с законом основания и следствия: «Вместе с основанием необходимо полагается следствие, вместе со следствием уничтожается и основание» [10, с. 213]. Быть может, Васильев имел в виду это логическое отношение основания и следствия, сформулированное Аристотелем? Трудно сказать с уверенностью, но в любом случае положения «Логики» Зигварта

помогают прояснить многие моменты логической концепции Васильева, которую он лишь кратко обрисовал в нескольких статьях.

Заключение

1. В ходе данного исследования мы выяснили, насколько Васильеву удалось осуществить замысел построения неаристотелевой логики. В сочинениях Аристотеля мы обнаружили идеи, сходные с оригинальными взглядами Васильева. Это позволяет нам утверждать, что воображаемая логика все-таки не является логической системой, принципиально отличной от логики Аристотеля. Иными словами, неаристотелева логика не такая уж и неаристотелева.

2. Мы установили тесную связь идей Н. А. Васильева с логикой Хр. Зигварта. Сравнивая размышления двух авторов, мы обнаружили сходства в моментах, которые весьма важны для построения воображаемой логики. Таким образом, в учении Зигварта мы обнаружили идеи, которые могли бы вдохновить казанского логика на создание собственной логической системы.

3. Благодаря обращению к логическим сочинениям Аристотеля и Зигварта, нам удалось внести ясность в некоторые положения логической концепции Васильева. Это относится к пониманию сущности суждения и проблеме неопределенного суждения, сущности закона противоречия и его корректной формулировке, смыслу закона достаточного основания.

Литература

1. *Аристотель*. Первая Аналитика // *Аристотель*. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
2. *Аристотель*. Метафизика // *Аристотель*. Сочинения в 4х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1975.
3. *Аристотель*. Об истолковании // *Аристотель*. Сочинения в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
4. *Бажанов В. А.* Н. А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи. М.: Канон +, 2009.

5. *Бажанов В. А.* Становление и развитие логических идей Н. А. Васильева // *Философские науки*, 1986, № 3. С. 74-82.
6. *Брюшинкин В. Н.* Психологизм на пороге XXI века // *Логическое кантоведение – 4: Сб. науч. тр. / Под ред. Брюшинкина В. Н.* Калининград, 1998. С. 84-100.
7. *Васильев Н. А.* Воображаемая (неаристотелева) логика // *Васильев Н. А.* Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989.
8. *Васильев Н. А.* О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого // *Васильев Н. А.* Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989.
9. *Васильев Н. А.* Логика и металогика // *Васильев Н. А.* Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989.
10. *Зигварт Х.* Логика. Т. 1. Учение о суждении, понятии и выводе. М.: Территория будущего, 2008.
11. *Копнин П. В.* О логических воззрениях Н. А. Васильева // *Копнин П. В.* Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973.
12. *Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разумении // *Лейбниц Г. В.* Сочинения в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1983.
13. *Попова В. С.* Логика в университетской философии Санкт-Петербурга начала XX века (дискуссия А.И. Введенского и Н.О. Лосского): Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Калининград, 2006.
14. *Смирнов В. А.* Логические идеи Н. А. Васильева и современная логика // *Васильев Н. А.* Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989.

Лилия Сергеевна Ледак – аспирант кафедры философии и логики Российского государственного университета имени Иммануила Канта, bluecat09@mail.ru.

Liliya Ledak, PhD student, Department of Philosophy and Logic, Immanuel Kant State University of Russia, bluecat09@mail.ru.